

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2008 г. Д.В. СИЧИНАВА

**СИНОНИМИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЛИНГВИСТИКИ XX–XXI ВЕКОВ
(ЧАСТЬ I)**

В первой части статьи рассматриваются структуралистские и генеративистские подходы к описанию синонимии грамматических (словоизменительных) показателей; особо выделены работы ряда отечественных исследователей 1960–1980-х гг. (часть из которых испытала влияние структурализма). Диапазон подходов к этому явлению – от его полного отрицания, диктуемого самыми общими принципами структурализма (причем предлагалось несколько различных способов объявить синонимию «несуществующей»), до дифференцированного подхода к различным типам сосуществования синонимичных единиц.

В этой статье, состоящей из двух частей¹, мы рассмотрим некоторые предлагавшиеся в языкознании XX – начала XXI века трактовки проблемы синонимии грамматических показателей. Представленный в статье обзор никоим образом не претендует на полноту. Синонимия и «вариативность» («варьирование») – тема достаточно популярная в отечественной и зарубежной лингвистике, особенно последних пятидесяти лет, и число работ по ней очень велико; тем не менее немногие из них в том, что касается внутриязыковой синонимии словоизменительной морфологии, представляют теоретический интерес.

Сразу оговоримся также, что наше изложение ведется не в порядке строго хронологическом, а в соответствии с некоторым идеализированным вектором «от структурализма к постструктурализму», от идеи жестких оппозиций в языке и хаотичной поверхностной вариативности в речи – к идее так или иначе равноправного сосуществования параллельно возникших грамматических единиц со сходной дистрибуцией. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимает совокупность работ по синонимии и вариативности грамматических показателей, появившихся в отечественном языкознании второй половины XX в.: в чем-то они испытывают влияние различных направлений структурализма, в чем-то продолжают, по сути, прескриптивную, а не описательную традицию нормативной стилистики, а некоторые предвосхищают позднейшие принципы теории грамматикализации.

Часть I статьи посвящена структуралистским подходам и упомянутой группе отечественных работ, часть II – постструктуралистским теориям грамматической синонимии.

I. ПОДХОДЫ ЭПОХИ СТРУКТУРАЛИЗМА

1. Что такое синонимия грамматических показателей?

Под грамматическими показателями мы подразумеваем морфемы или иные морфологические знаки (такие, как чередования, редупликации и проч.), аф-

¹ Часть II будет опубликована в следующем номере. – *Ред.*

фиксальные или корневые (например, корни вспомогательных глаголов или частицы), выражающие грамматические значения. Грамматические значения – такие значения, выражение которых обязательно для всех словоформ данного класса лексем (согласно неформальному определению, данному в [Зализняк 1967: 22–24]).

Понятие языковой с и н о н и м и и – чаще применительно к лексике – имеет долгую историю, несколько конкурирующих определений и даже принципов определения (см. обзор и обширную библиографию в [Апресян 1974/1995: 216–224]). Представление о синонимии как о «семантическом тождестве», названное Ю.Д. Апресяном «естественным» [Там же: 217], долго не получало полной поддержки в лингвистике и сопровождалось различными оговорками, а иногда даже и заменялось на противоположное утверждение (восходящее еще к В. фон Гумбольдту и А.А. Потебне), согласно которому синонимия, напротив, не может усматриваться в случае полного тождества означаемых, а непременно требует определенных различий в семантике единиц, участвующих в этом отношении. В XX веке, по крайней мере в первой его половине, такая трактовка в языкознании была даже доминирующей. Ср. цитируемую Ю.Д. Апресяном обобщающую формулировку А.Б. Шапиро: «общее мнение сошлось на том, что синонимами не являются слова различного звукового состава, полностью совпадающие по значению. ...Синонимами являются слова... содержащие в своих, сходных в целом, значениях те или иные различия» [Шапиро 1955: 72]. Применительно к грамматической синонимии подобное понимание предложено уже в первой отечественной работе, где употребляется этот термин – [Пешковский 1930].

Указанный подход к синонимии опирается не только на филологическую традицию нормативной стилистики, но и на объективные языковые тенденции. Наряду с хорошо известным принципом «асимметричного дуализма языкового знака» (сформулированным С.О. Карцевским), согласно которому между планом означающего и планом означаемого в языковом знаке принципиально нет однозначного соответствия (Карцевский 1929) и всякий знак «является виртуально “омонимом” и “синонимом” одновременно» [Карцевский 2004: 239], существует, по-видимому, и иной, в некотором смысле противоположный ему, семиотический функциональный принцип, согласно которому знаковая система стремится, напротив, к идеальному и принципиально недостижимому одно-однозначному соответствию означающего и означаемого – это требование «изоморфизма языка и модели мира» по [Haiman 1985] (см. также [Кобозева 2000: 40, 100]) или «порядка» («упорядоченности», order) по [Dahl 2004: 19]. Выражается этот принцип, в частности, при дифференциации синонимических средств языка, которые после некоторого (возможно, большого) периода сосуществования начинают различаться если не в плане денотата, то, по крайней мере, в синтактике, прагматике и иных свойствах (ср. широко известный пример слов *лингвистика* и *языкознание*, тождественных по денотату, но различающихся по синтактике – словосочетание *сравнительно-историческая лингвистика* менее допустимо, чем *сравнительно-историческое языкознание*). Естественно, это относится и к синонимии грамматических показателей, ср., например, стилистически маркированное *-ою* в *рукою* рядом с нейтральным *-ой* в *рукой*. В связи с этим в литературе неоднократно встречается утверждение, согласно которому в языке вообще нет (точных) синонимов ни на каком уровне; якобы существует системная «боязнь синонимов» в языке, подобно тому как в аристотелевой физике «природа боялась пустоты» – [Aronoff 1976; Kiparsky 1983] (принцип «избегай синонимов» – Avoid Synonyms Principle); [Williams 1997]. В [Croft 2000: 176] это положение названо «первым принципом распространения» (или «пропагации», propagation), а в [Dahl 2004: 77–78] такое утверждение (Э. Даль видит в нем скорее не принцип, а тенденцию диахронического развития, одну из нескольких) сопоставлено с принципом «ниши» в экологии – два вида в экосистеме не могут занимать одну и ту же нишу и вступают в отношение конкуренции.

Тем не менее указанная тенденция, хотя объективно и несомненно существующая, по крайней мере в синхронном срезе не имеет абсолютного характера – слова с идентичными лексическими значениями в естественных языках все-таки засвидетельство-

ваны, поэтому принятое в Московской семантической школе разделение синонимов на «точные» или «абсолютные», толкования которых полностью совпадают, и «неточные» или «квазисинонимы», толкования которых имеют большую общую часть (ср. [Апресян 1974/1995: 218]), как представляется, адекватно отражает как синхронную, так и диахроническую реальность языковых элементов, близких по значению. Аналогичное разделение предлагалось на морфологическом уровне для словообразовательных аффиксов, ср. апеллирующий к понятию «инварианта» (основного, единого во всех употреблениях значения) подход работы [Улукханов 1977: 199]: здесь «синонимичными» признаются аффиксы, «инвариантное» значение которых совпадает, а «частично синонимичными» – аффиксы с совпадающими «контекстами» (вторичными) значениями.

При дальнейшем употреблении терминов «синонимия» и «синоним», если специально не оговорено обратное, имеется в виду (аналогично тому, что принято в лексической семантике) как полная синонимия, так и квазисинонимия.

2. Пражский структурализм и американский дескриптивизм: строгие оппозиции в грамматике. Алломорфы, варианты и синонимы

Применение структуралистских представлений о языке как о системе четких оппозиций к морфологии – зачастую выражавшееся в переносе фонологического понятийного аппарата на морфологический уровень – начинается в 1930-е годы в рамках так называемого «пражского структурализма». Обычно в этой связи указывают на знаменитые статьи Р.О. Якобсона [Якобсон 1932/1985; 1936/1985], где, соответственно, значения категорий русского глагола и падежных категорий русского имени разбираются с точки зрения бинарных оппозиций: в рамках каждой из этих пар определен маркированный и немаркированный признак, а синонимия грамматических форм в известных контекстах рассматривается как нейтрализация этих противопоставлений. Якобсон принимает тезис «асимметричного дуализма» по Карцевскому (напомним, что работа Карцевского 1929 г. была опубликована в первом же выпуске «Трудов Пражского лингвистического кружка» и должна также рассматриваться в ряду обсуждаемых работ пражцев) и усматривает образец синонимического отношения в «асимметрии коррелятивных грамматических форм»: **«Два знака могут относиться к одной и той же предметной данности** (выделение Якобсона. – Д.С.), но значение одного знака фиксирует известный признак А этой данности, тогда как значение другого знака оставляет этот признак неупомянутым. Например, ослица может быть обозначена как словом *ослица*, так и словом *осёл*. При этом подразумевается один и тот же предмет, только во втором случае значение гораздо менее уточнено» [Якобсон 1932/1985]. Таким образом, члены оппозиции могут входить в квазисинонимичные отношения, но, по-видимому, только указанного типа (связанного с противопоставлением маркированного члена оппозиции немаркированному). Статья [Якобсон 1936/1985] содержит утверждение о том, что всякую грамматическую категорию любого языка можно представить в виде таких противопоставлений. Таким образом, несмотря на то, что Якобсон принимает принцип «асимметричного дуализма», идеалом грамматической системы языка оказывается все же противопоставленность всех форм: сосуществования полностью синонимичных элементов системы (или квазисинонимичных, но имеющих каждый свои дополнительные значения) в рамках данной системы допущений не предусмотрено.

Из работ пражских структуралистов в связи с нашей темой нужно назвать два текста В. Скалички, явившиеся в печати в 1935 году. Статья [Скаличка 1935/1967a] представляла собой опыт развития принципа асимметричного дуализма; монография [Скаличка 1935/1967b] – одно из первых структуралистских описаний грамматики конкретного языка (венгерского), в сопоставлении с целым рядом других языков. В статье разбирается омонимия и синонимия (в терминологии автора – «омосемия») языкового знака. Впервые дано важное указание на то, что синонимия более свойственна «флекс-

сиям» или «формемам» (грамматическим показателям), чем корням [Скаличка 1935/19676: 121–122]. В качестве примеров синонимичных корней («омосемичных семантем») в книге «О венгерской грамматике» рассматриваются лишь супплетивные корни, выбор между которыми обусловлен грамматикой (лат. *fer-o*, *tul-i*, *lat-um* ‘носить’, венг. *vagy-ok* ‘я есмь’ – *len-nék* ‘я был бы’). Скаличка формулирует также принципиальное для структурализма утверждение – его не было у Карцевского – согласно которому как синонимия, так и омонимия языкового знака связаны со взаимоисключаемостью членов соответствующего ряда. В качестве примера приводятся, в частности, чешские окончания различных типов спряжения: «Омосемическими являются, например, флексии *-i*, *-m* в формах *kuřij-i* [‘покупаю’], *dělá-m* [‘делаю’]. Условием появления омосемии является опять-таки взаимоисключаемость частей омосемической группы. Части омосемической группы подобны фонологическим вариантам, взаимно дополняющим друг друга. Взаимоисключаемость делает возможным их смысловую идентичность при формальном различии» [Скаличка 1935/19676: 121]. Указанное явление объясняется тем, что «асимметричный дуализм... вызывает в языковой системе известные затруднения и осложнения. Поэтому языки – разные и каждый в неодинаковой степени – избегают его» [Там же]. Это положение, как увидим, было последовательно развито дескриптивистами.

Школой структурализма, особенно подробно разрабатывавшей описание морфологического уровня языка, стал американский дескриптивизм. Первые работы в этой области здесь появляются уже в 1930-е годы, параллельно выше указанным статьям Якобсона и Скалички. Вопрос о синонимии морфологических единиц (морфем) возникает в дескриптивизме на стадии группировки выделенных морфов – минимально значимых отрезков речи – в морфемы, что называется *идентификацией морфем*. Принципы идентификации выдвинуты в 1942 году З.З. Харрисом [Harris 1942] и базируются на фундаментальном для дескриптивизма принципе дополнительного распределения (*complementary distribution*). Алломорфами одной и той же морфемы признаются синонимичные единицы, никогда не встречающиеся в одном и том же морфемном окружении (например, алломорфы английского показателя множественного числа [s], [z], [ɪz], [ən] в *books* ‘книги’, *boys* ‘мальчики’, *classes* ‘классы’, *oxen* ‘волы’).

Кроме того, в американском дескриптивизме выделяются два типа дистрибутивных отношений, имеющих ближайшее отношение к нашей проблематике: это свободное варьирование (*free variation*) – синонимия при отсутствии дополнительного распределения (русские примеры из [Арутюнова, Кубрякова 1961: 213]: *рукой–рукою*, *шофёры–шофера́*) и неконтрастирующая дистрибуция («такое соотношение морфемных сегментов, при котором они, даже попав в одинаковое положение, не могут выполнять дистинктивной, смыслоразличительной роли»: *-ся* и *-сь* в *вернулся–смеюсь* дополнительно распределены, но тогда, когда эта норма нарушается, формы типа *смеюся* не несут никакой семантической нагрузки сравнительно со *смеюсь*). Относительно статуса данных единиц с точки зрения объединения в морфемы мнения разных дескриптивистов расходятся.

Так, например, Ч. Хоккет [Hockett 1947: 331, 336 ff] критиковал подход Харриса за то, что единицы, находящиеся в отношении свободного варьирования, согласно его принципам не отождествляются. Хоккет предложил модификацию соответствующего принципа, согласно которому вместо дополнительного распределения требуется неконтрастирующее (таким образом, в парах вроде *свечой–свечою* усматривается одна и та же морфема творительного падежа). Данный анализ наталкивается, однако, на ту трудность, что синонимические морфемы могут употребляться для маркирования одной и той же грамматической категории у разных значений одной лексемы, например, англ. *brother* ‘брат’ – *brothers* ‘сыновья тех же родителей’, но *brethren* ‘монахи, члены братств’ (ср. русское *хлеб* – *хлебы*, *хлеба*): Хоккет обходит это препятствие тем, что считает подобные слова омонимами (и соответственно корни таких слов – разными морфемами).

С другой стороны, в рамках дескриптивизма выдвигалась точка зрения, согласно которой фонетически вполне различные морфы не могут считаться алломорфами, а представляют собой синонимы; для объединения в одну морфему необходим известный критерий фонетической близости (эту позицию отстаивал, в частности, Ю. Найда [Nida 1949: 90]).

В отечественной традиции критерий, аналогичный подходу Найды, сформулированный в рамках Московской фонологической школы (МФШ) и связанный с именами В.Н. Сидорова, А.А. Реформатского и П.С. Кузнецова, требует, чтобы морфы, входящие в одну морфему, были связаны друг с другом чередованиями. Таким образом, синонимия морфем усматривается в дополнительно распределенных показателях, например, во флексиях различных типов парадигм: так, русские окончания творительного падежа единственного числа *-ой*, *-ом* и *-ю* признаются тремя разными синонимичными морфемами; не являются алломорфами, с точки зрения МФШ, и супплетивные корни, вроде русских *ид-* и *иде(д)-*.

В качестве постскриптума к данному разделу – не столько исторического, сколько уже теоретического характера – укажем, что и современные трактовки алломорфии (уже не связанные рамками структурализма как направления) в общем следуют за позднедескриптивистским подходом к синонимии морфем. Нам представляются справедливыми критические положения, выдвигаемые И.А. Мельчуком [2001: 243–244] против последней трактовки морфемы, в частности, то, что для выражения единства дополнительно распределенных аффиксов, а также супплетивных корней в таком случае требуются дополнительные понятия более высокого таксономического уровня. По замечанию В.А. Плунгяна [2000: 60–61], такое решение покоится на «часто весьма зыбком критерии фонологической естественности».

Тем не менее нам представляется, что при решении проблемы алломорфии к случаям одинакового распределения синонимичных морфем следует применить по меньшей мере требование возможности перехода от одной морфемы к другой при помощи тех или иных чередований (в терминологии, используемой Мельчуком, – представимости по означаемому). При таком компромиссном решении определения алломорфии как для класса корневых, так и для класса аффиксальных морфов приближается к симметрии (хотя все же и не становится полностью симметричным, поскольку не полностью тождественное распределение корней, не связанных чередованиями, не обязательно предполагает объединения их в одной морфеме).

Похожее решение предлагается В.Б. Касевичем: «Если правило, фиксирующее переход от морфа *X* к морфу *Y* в контексте *C*, указывает на фонологические признаки хотя бы одной из переменных – *X*, *Y* или *C*, то морф *Y* есть вариант морфа *X*. Так, морф *рожи-* – вариант морфа *рожон-*, поскольку правило говорит об опущении гласной /о/ в корнях некоторого фонологического облика (хотя и не во всех). Но морф *люд'* – не есть вариант морфа *человек-*, так как правило перехода от *человек-* к *люд'* не апеллирует к фонологическому виду ни первого морфа, ни второго, ни контекста, в котором осуществляется замена морфов. Поэтому *люд'* – самостоятельная морфема, синонимичная морфеме *человек-*» [Касевич 1986: 41]. «Фонологически необусловленное» варьирование, лишённое фонетического сходства, отделено от алломорфии в [Алпатов 1991: 139, ср. также 144]: «Крайний случай фонетически необусловленного варьирования – так называемый супплетивизм, когда варианты такого рода не имеют и фонетического сходства. Сюда могут быть отнесены не только случаи типа русск. *ид-* – *иде-*, но и обычно не относимые к супплетивизму случаи, например, окончаний разных типов склонения. Варианты здесь столь различны, что принято считать их разными, но синонимичными морфемами».

3. ВАРИАТИВНОСТЬ И СТРУКТУРА ЯЗЫКА В ТЕОРИИ АНДРЕ МАРТИНЕ

Французский лингвист А. Мартине, один из последних крупных теоретиков «классического» (не «нео-») структурализма, посвятил проблеме вариативности языковой

структуры особую работу [Мартине 1962]. Термин «variation», вынесенный в заголовок работы, означает, как комментирует автор, и процесс «варьирования», и являющиеся его результатом языковые «вариации». В этой работе бросается в глаза прежде всего то, что Мартине выделяет лишь «вариации в пространстве» (разные выражения одного и того же в различных диа-, этно- и/или идиолектах, не препятствующие взаимопониманию) и «вариации во времени» (то есть диахронический процесс изменения языка); проблема сосуществования в языке нескольких вариантов эксплицитно даже не обсуждается. Тем не менее его работа представляет собой некоторый шаг вперед по сравнению с «жестким» структурализмом в морфологии: во-первых, ставится сама проблема варьирования структуры, во-вторых, принципиальное внимание уделяется семантической стороне вопроса; семантические различия между единицами считаются столь же «субстанциональными» [Мартине 1962: 458–459], что и поверхностное распределение.

Мартине различает два аспекта системы языка, в которых может осуществляться варьирование: это парадигматический (класс взаимоисключающих единиц, элементов одной грамматической категории) и синтагматический, определяющий различие между различными грамматическими категориями (например, синтагматическая глагольная система включает в себя парадигматические категории времени, залога и т.п.). Данное разграничение – во всяком случае, как его представляет автор – полемично по отношению к дескриптивизму. Дескриптивистскую позицию, от которой Мартине отмежевывается, он формулирует так: «никакие отношения, возможные или существующие между единицами, входящими в один и тот же класс, не могут рассматриваться в качестве элементов структуры языка... какие бы то ни было отношения между членами одного и того же класса, кроме самого факта их “контрастирования” друг с другом, считаются внеязыковыми или, в лучшем случае, метаязыковыми и не относящимися к структуре языка» [Там же: 454].

Значительная часть работы, как и гораздо более известная работа Мартине [Martinet 1955], посвящена вопросу о причинах и технике языковых изменений – теме, касающейся нашей проблематики лишь косвенно. Собственно вопрос вариативных элементов языка рассматривается в последнем разделе статьи [Мартине 1962: 460–464], выразительно озаглавленном «Внесение вариации и фундаментальная структура». Данный раздел полемичен по отношению к дескриптивизму и «дистрибуционистскому» подходу к морфологии. Хотя «для всех тех, кто изучает данный язык – будь то ребенок или взрослый, – далеко не безразлично количество способов выражения генитива в изучаемом языке: имеются ли в нем две (или более) различные формы генитива или в результате выравнивания по аналогии представлен только один способ выражения этого падежа», понимание морфологии лишь как инвентаря алломорфов и правил их распределения ограничено: описываемые таким образом «акциденции» (внешние стороны сущности, термин, заимствованный из схоластики) «представляют собой лишь весьма периферийные аспекты подлинной структуры языка» [Мартине 1962: 461]. Дело в том, что, согласно Мартине, подлинную структурную значимость имеет не столько возможность употребления той или иной единицы в определенной точке высказывания (что задаст все пространство возможностей традиционной формально-морфологической типологии: агглютинация, фузия, кумуляция, разрывные морфемы, алломорфия, супплетивизм и т.п.), а возможность употребления этой единицы в высказывании вообще, не морфологическая (линейная), а семантическая (нелинейная) сторона дела [Там же: 462–463]; порядок значимых единиц – в отличие от порядка фонем – нерелевантен [Там же]. Соответственно проблемы соотношения между поверхностными представлениями единиц являются второстепенными по сравнению со структурными соотношениями единиц, принадлежащих разным дистрибутивным классам (или одному и тому же, но с семантической, а не формальной точки зрения).

Получается, что структурализм, ориентированный на семантику (кроме как у Мартине, такой подход мы видели и у Якобсона), в еще меньшей степени, чем структура-

лизм, ориентированный на форму (дескриптивизм), уделяет внимание синхронному сосуществованию синонимичных единиц. Если дескриптивизм хотя бы ставит проблеме «свободного варьирования» и допускает споры о статусе – алломорфическом или синонимическом – таких единиц, поднимает вопрос о синонимии супплетивных морфем и т.п., то семантико-ориентированный подход признает синонимию лишь как речевую нейтрализацию форм, противопоставленных в языке. Конкретные средства выражения этой оппозиции и этой нейтрализации представляют для него лишь периферийный интерес.

4. ОБОБЩЕНИЕ СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ В «КУРСЕ ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ» И.А. МЕЛЬЧУКА

Структуралистский подход к семантике грамматических показателей, жестко противопоставленных семантике лексических единиц, представлен, например, в «Курсе общей морфологии» (КОМ) И.А. Мельчука – этот фундаментальный компендиум морфологических знаний, появившийся в 1990-е годы, отражает структуралистскую научную парадигму (с элементами генеративизма), характерную и для более ранних (1960–1970-е годы) работ как самого автора, так и других лингвистов, работавших в рамках получившей широкую известность лингвистической теории, т.н. «Модели Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». Некоторые идеи, обсуждаемые ниже, высказаны уже и в ранних статьях Мельчука (в частности, серия статей в «Известиях АН», из которых для нашей проблематики специальный интерес представляет [Мельчук 1968]).

Синонимия морф (корней или аффиксов) трактуется как «тождественное означаемое при различном означающем» у двух морф [Мельчук 2001: 228]. В качестве примеров таких аффиксов приводятся (в различных частях КОМа) «адъективирующие словообразовательные суффиксы *-ическ* vs. *-ичн* и *-лив* vs. *-н*: эти суффиксы имеют одно и то же означаемое ('относительное прилагательное'), не являясь, однако, алломорфами одной морфемы» [Мельчук 1997: 332], а также словообразовательные суффиксы со сложным и трудноописываемым распределением: диминутивы *-ок* и *-ик* [Мельчук 2001: 233], суффиксы, образующие названия жителей, *-ич*, *-ец*, *-анин* и др. [Там же: 234].

«[Грамматические значения] достаточно легко сводятся в хорошо организованную систему четких обобщенных оппозиций, образуя высоко структурированные и достаточно очевидные множества. Так, для всякого носителя русского языка 'множественное [число]' образует систему с 'единственным [числом]', а 'настоящее [время]' – с 'прошедшим' и 'будущим'» [Мельчук 1997: 243]. Этот принцип в формулировке, предлагаемой автором, касается только грамматических значений, однако он, как увидим, оказался фактически во многом распространен и на план их формального выражения.

Подробно вопрос о соотношении между планом выражения и планом содержания двух знаков ставится в томе IV «Курса общей морфологии», где проводится попытка полного исчисления «формально-смысловых отношений между двумя произвольно взятыми языковыми знаками» [Мельчук 2001: 468–496]; данный раздел во многом опирается на серию ранних работ автора (см. выше). Автор ставит целью проанализировать все логически возможные способы отношения между знаками; для этого он строит 17 классов, соответствующие различным комбинациям отношений между означающими и означаемыми в пределах пары знаков. Коль скоро анализу подвергаются не только элементарные знаки, но и более сложные (например, словоформы), то случай полной грамматической синонимии мог бы попасть в классы 2 – «Тождество означаемых, включение означающих», 3 – «Тождество означаемых, непустое пересечение означающих» и 4 – «Тождество означаемых, дизъюнкция означающих». Квази-синонимия могла бы попасть в любой из классов 5–12, где речь идет о непустом пересечении (в т.ч. включении) означаемых. Однако в перечне анализируемых случаев мы вовсе не находим синонимии грамматических показателей – для «тождества означае-

мых» Мельчук рассматривает только лексическую синонимию, различные типы словообразования, а также супплетивизм, регулярную алломорфию и словоизменение, связанное с согласованием (так, полностью синонимичны словоформы *хороший* и *хорошая*). Квазисинонимические грамматические показатели в соответствующем списке также отсутствуют (наличествуют, в частности, супплетивизм и лексическая квазисинонимия).

Тем не менее, опираясь на этот *argumentum ex silentio*, утверждать, что существование двух и более синонимичных различных морфем (а не алломорфов одной морфемы), выражающих словоизменительные, а не словообразовательные значения, теорией Мельчука вовсе не предусмотрено, было бы неверным. По крайней мере для корневых морфем – в нашем случае речь идет о корнях вспомогательных словоформ (лекс), участвующих в образовании аналитических форм – такая возможность имеется, хотя в качестве примеров приводятся только корни полнозначных лексем. Согласно мельчуковскому определению морфемы ([Мельчук 2001: 230–231]; см. также специальную работу [Мельчук 1998]), корни, означаемые и дистрибуции которых тождественны, но которые не представимы через чередование и/или конкатенацию относительно некоторой представляющей корневой морфы, не являются алломорфами одной морфемы – например, франц. *tank* и *char* ‘танк’: «мы не хотели бы, чтобы они были признаны морфами одной морфемы» [Мельчук 2001: 242]. Таким образом, синонимия вспомогательных глаголов вроде португальских *ter* и *haver* не является алломорфией, уже постольку, поскольку представляет собой синонимию корней, распределенных одинаково.

Однако относительно синонимических аффиксов Мельчук [2001: 242] утверждает: «для аффиксов свободное варьирование [алломорфов] допускается без ограничений: например, суффиксы творительного падежа единственного числа у русских существительных женского рода [...] *-ой* и *-ою* (а также *-ей* и *-ею*), взаимозаменяемы во всех контекстах, являются алломорфами одной и той же морфемы»; ср. также более четкую формулировку с употреблением понятия синонимии: «равнозначные (= синонимичные) аффиксы с факультативным распределением включаются в одну морфему независимо от их означающих... синонимия таких аффиксов влечет их алломорфию» [Мельчук 1998: 19]. Иными словами, синонимичные, одинаково распределенные показатели испанского имперфекта конъюнктива (восходящие к латинским плюсквамперфектам индикатива и конъюнктива соответственно) *-se-* и *-ra-*, в таком понимании принадлежат одной и той же морфеме. Данное решение, как представляется, не вполне адекватно с интуитивной точки зрения – заметим, что к интуиции прибегает и И.А. Мельчук, когда говорит, что «не хотел бы» считать *tank* и *char* алломорфами.

Таким образом, грамматическая модель, принятая в «Курсе общей морфологии», как будто бы предусматривает существование синонимичных аналитических, но не синтетических грамматических форм; последние оказываются дополнительно связаны (через соответствующие грамматические показатели) отношением алломорфии. Квазисинонимическое отношение в этом смысле не отличается от полной синонимии.

5. «ОДНОЗНАЧНОСТЬ» МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ В ГЕНЕРАТИВИЗМЕ: «БЛОКИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП»

Радикальная «антисинонимическая» позиция, согласно которой синонимичных словоизменительных форм (а, возможно, и языковых единиц с тождественной семантикой вообще) в языке не существует, получила распространение в морфологической теории уже после отступления структуралистской парадигмы с господствующих позиций. Примером может служить американская лингвистика второй половины XX в. Здесь дескриптивизм и «дистрибуционизм» в понимании Харриса–Хоккета сошел со сцены после так называемой «хомскианской революции» второй половины 1950-х годов и распространения генеративистского подхода.

Казалось бы, порождающая лингвистика, на начальном своем этапе поощрявшая исследования альтернативных «поверхностных» рсализаций, которые получают «глубинные» синтаксические конструкции, должна была бы уделить особое внимание и синонимии грамматических форм. Но этого не произошло. Парадоксально, но влиятельная морфологическая модель, разработанная в рамках генеративизма М. Эроноффом [Aronoff 1976], эксплицитно запрещает сосуществование синонимичных форм, то есть сохраняет одно-однозначное соответствие смысла и формы, свойственное структурализму (и даже, как увидим, в более сильной степени, чем собственно в дескриптивизме).

Данное ограничение на образование морфологических форм Эронофф называет «принципом блокирования» (blocking principle)². Возникновение этого принципа было связано не столько со словоизменительной, сколько со словообразовательной морфологией (деривация в теории Эроноффа нечетко отграничена от словоизменительной морфологии – см. об этом также [Кубрякова 1991: 155]). «Принцип блокирования» был призван объяснить отсутствие образований вроде *glorious* ‘славный’ + *-ity* ‘номинализирующий суффикс’ = **gloriosity*; создание подобной формы «запрещается» благодаря существованию бессуффиксального существительного *glory* ‘слава’.

Принцип блокирования сформулирован его автором так: «Б л о к и р о в а н и е – это отсутствие некоторой формы в силу того, что просто уже существует другая форма... Предположим, что в основе организации словаря лежат [морфологические] основы, и каждая из них имеет свободную позицию (slot) в соответствии с каждым регулярным значением, где «регулярный» означает «образованный по регулярным правилам». В таком случае примем, что каждая позиция, соответствующая значению, не может быть занята более чем одним элементом (item)» [Aronoff 1976: 42–44].

Кратко данный принцип переформулирован Э. Вильямсом [Williams 1997]: «Х блокирует Y тогда и только тогда, когда X является кандидатом с тем же значением, что и Y. Блокирование можно представить как часть «боязни синонимии»: если в синтаксисе³ или морфологии существуют две формы, они должны иметь разные значения, а если двум формам невозможно приписать разные значения, то одна из них не может существовать».

Дж. Блевинс [Blevins 2000: 250] замечает, что сформулированный таким образом принцип блокирования, безусловно, распространяется не только на словообразование, но и на словоизменение; кроме того, в более поздних версиях теории Эроноффа на месте «основы» выступает уже «лексема», что прямо указывает даже на более узкое понимание данного принципа [Ibid.]. Блевинс утверждает: «Эффекты блокирования гораздо весомее присутствуют в словоизменительных парадигмах»; если понимать под «значением» в формулировке принципа «грамматическое значение» по Якобсону, то «систематические случаи блокирования имеют место внутри лексем, а не между ними».

Видимое нарушение этого принципа в виде существования словообразовательных дублетов «иногда объясняют через утверждение, согласно которому в языке вообще нет синонимов». Иными словами, различие в морфологической структуре на самом деле поддерживается семантическими различиями, и тогда принцип блокирования не нарушается. Но словоизменительная однозначность, с точки зрения Блевинса, носит абсолютный характер, и проблема синонимии к ней не относится: «если и на самом деле синонимов нет, синонимия не может служить катализатором морфологического блокирования» [Blevins 2000: 250].

² Литература по «принципу блокирования» достаточно обширна: помимо работ, разбираемых и цитируемых ниже, он затрагивался (и получил поддержку) в статьях таких известных американских морфологов, как П. Кипарский и Л. Цвики (библиографию работ 1970–1980-х гг. см. в [Miller 1993: 2]).

³ Вильямс предлагает (как и ряд других авторов) также и распространение принципа блокирования на синтаксис. – Д.С.

Таким образом, допущения, принятые в наиболее влиятельной морфологической теории, выдвинутой в рамках генеративизма, не допускают существования двух синонимичных словоизменительных форм. По-видимому, то же относится и к квазисинонимии, когда дистрибуция словоизменительных форм не в точности одинакова (ни одному регулярному «значению», воплощаемому основой или лексемой, не могут соответствовать две формы); в работе Блевинса утверждается, что маркированная форма не может встречаться в том же синтагматическом окружении, что и немаркированная [Ibid.: 243].

Встречается и более узкое понимание принципа блокирования (например, в работе [Pinker 1999: 144–153], обсуждение идей Пинкера ср. также в [Dahl 2004: 96–97]), согласно которому блокирование имеет место только при наличии в парадигме «неправильных» (супплетивных и/или непродуктивных) форм, которые хранятся в словаре (stored), в то время как «правильные» формы порождаются говорящим по регулярным правилам (ср.: «более частный случай предшествует более общему» [Miller 1993: 2]); такая точка зрения, согласно Пинкеру, подтверждается психолингвистическими экспериментами. Так, существование английской неправильной формы типа *ran* ‘побежал’ блокирует порождение **runned* по общим продуктивным правилам образования Past Indefinite; говорящий, таким образом, имеет «параллельный» доступ к словарю и к правилам. Но это положение наталкивается на маргинальный (и малочастотный, в отличие от последовательно неправильных глаголов, в живой речи; ср. об этом [Dahl 2004: 97]), однако же несомненный феномен сосуществования альтернативных регулярных и нерегулярных словоформ (и, соответственно, словоизменительных морфем) от одной и той же лексемы. Ряд английских глаголов знает варьирование вида *dreamt* [dreɪmt]/*dreamed* ‘мечтал, видел сны’. Пинкер обходит данный факт, утверждая, что в таких случаях поверхностно «правильная» форма не порождается, а хранится в словаре наравне с «неправильной». Таким образом, глубинная синонимия все же признается. Некоторые исследователи проблемы [van Marle 1985; Rainer 1988] различают «штучное блокирование» (token-blocking), когда запрещается порождение продуктивной формы при наличии непродуктивной, и «типовое блокирование» (type-blocking), когда один продуктивный тип блокирует другой (например, в нидерландском есть два продуктивных способа образования множественного числа – при помощи показателя *-s* и при помощи показателя *-en*; если от некоторого слова, скажем, *lepel* ‘ложка’ образуется множественное число *lepel-s*, а не **lepel-en*, то считается, что *-s*-тип блокирует *-e*-тип) [Miller 1993: 5]. Однако случаи варьирования между несколькими продуктивными типами также известны: *директор-ы* и *директор-а* и под.

Разумеется, генеративизм не отрицает объективных фактов, связанных с употреблением различных показателей в тождественной функции; однако, в точности как и дескриптивизм, считает подобные случаи поверхностным представлением одной и той же хранящейся в лексиконе морфемы (впрочем, в версии Пинкера, как мы видели, уже допустимо параллельное хранение в памяти синонимичных способов выражения). В.Б. Касевич, обсуждая проблемы представления морфемы как множества алломорфов, говорит о генеративистских работах (в том числе и о морфологических концепциях Эроноффа и Вильямса) следующее: «Для генеративистов, как известно, реальны с функциональной точки зрения только словарные (глубинные, системно-фонологические) и текстовые (поверхностные, системно-фонетические) записи морфем... Основной источник появления абстрактных единиц в словарных представлениях морфем – это именно стремление свести к минимуму возможность морфемной синонимии. Если, например, для испанского глагола *oír* ‘слышать’ устанавливают словарную запись /awd/, поскольку существует слово *audición* ‘слушание’ и некоторые другие, а потом сложной системой правил из /awd/ получают поверхностные формы *oigo* ‘слышу’, *oís* ‘слышишь’⁴ и т.п., то это объясняется именно стремлением не допустить вхождения в словарь двух синонимичных морфем – /awd/ и /oír/» [Касевич 1986: 40].

⁴ Так у Касевича (использующего пример из [Calvano, Saltarelli 1979], где ‘you hear’): в действительности *oyes* ‘слышишь’, а *oís* ‘слышите’. – Д.С.

В данном пункте генеративная морфологическая теория Эроноффа и его последователей фактически остается в рамках структурализма. Э. Вильямс справедливо утверждает: «Принцип блокирования предвосхищался в структурализме, в частности, принципами, предлагавшимися Соссюром и Фортом⁵; согласно этим принципам различие в значении, возможно, играет более фундаментальную роль, чем собственно значение» [Williams 1997]. Впрочем, подобный взгляд выдвигался и младограмматиками, например, таким классиком сравнительно-исторического языкознания, как Г. Пауль (как и у Эроноффа, речь шла о подобных явлениях в словообразовании [Paul 1896: 704]).

6. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Интерес к анализу и теоретическому осмыслению языковой синонимии и/или вариативности (сами понятия «синонимия/синоним» и «вариативность/вариант» при этом разграничиваются различными авторами по-разному) возникает в отечественной лингвистике в конце 1950-х–1960-е годы во многом как реакция на структурализм. Преимущественное внимание здесь уделялось синонимии и вариативности не в области морфологии, а в области лексики и синтаксиса, а также проблеме «семантической вариативности» (полисемии) и поискам инварианта. Показателен сборник [Ярцева (ред.) 1979], в предисловии к которому указано: «Стремление авторов монографии всегда держать в поле зрения содержательную сторону языка привело к тому, что семантическому варьированию было уделено большее внимание, чем чисто формальным вариантам, существующим в каждом языке» [Там же: 4]; действительно, собственно морфологической стороне проблематики здесь посвящена только общетеоретическая статья редактора сборника [Ярцева 1979], остальные так или иначе связаны либо с полисемией на грамматическом уровне, либо с синонимией на лексическом. Это характерно, впрочем, и для подхода к проблематике вариативности в западной лингвистике указанного периода: здесь она нередко связывается с проблематикой инварианта, т.е. общего значения различных употреблений одной и той же грамматической формы. Такой подход связан с уже упоминавшейся работой [Якобсон 1936/1985] и нашел отражение, например, в сборнике [Waugh, Rudy (eds.) 1991], где о «вариативности» заходит речь практически только в связи с полисемией и поиском «инварианта». Ср. в этом отношении даже недавний, специально посвященный вариативности в языке, выпуск журнала «Lingua» (2004, во второй части нашей статьи обсуждается работа [de Hoop et al. 2004] из этого выпуска), где также большое внимание уделено поверхностной синонимии и неразличению тех или иных грамматических значений, хотя проблематика инварианта уже во многом и утратила для этих исследователей актуальность.

Из огромного количества теоретических работ, тематических сборников и исследований вариативности и синонимии в конкретных языках, опубликованных в нашей стране в указанный период, нами здесь рассматриваются несколько непосредственно имеющих отношение к теоретическому осмыслению синонимии в морфологии. Более подробные библиографические указания в связи с проблематикой синонимии и вариативности (не только морфологической) в отечественном языкознании указанного периода см. в недавней работе [Сорокина 2003: 94 и сл.].

Понятие «грамматическая синонимия/синонимика» возникает у нас значительно раньше, чем начинается активная разработка данной проблематики, – в русле традиции нормативной, можно сказать даже «школьной» стилистики. Упомянем здесь методико-педагогическую по своим задачам работу А.М. Пешковского 1930 года; грам-

⁵ Чарльз Х. Форт (1874–1932) – малоизвестный у нас американский писатель, автор работ по философии науки и «паранормальным явлениям», НЛО и проч. (один из пионеров этой темы), критик позитивизма. – Д.С.

матические синонимы определяются здесь как «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» [Пешковский 1930: 153]; синонимия трактуется как неабсолютная, связанная с «тонкими оттенками», «нюансами», «потому что стилистика вообще ведаёт только их». Соответственно, «синонимы, совёршенно тождественные по значению, как *кадет* – *кадетов*, *свеч* – *свечей*, а также синонимы, всецело диктуемые словарем, как *воды* – *огня* – *площади*, *воде* – *огню* – *площади* (имеются в виду надежные окончания разных склонений. – Д.С.)», с точки зрения Пешковского, «должны будут выпасть из поля наблюдения» [Там же]. Морфологическая словоизменительная синонимия («синонимика синтаксических форм») рассматривается как нечто маргинальное: «морфологические синонимы этого типа в нашем языке все наперечет»; различие между ними относится на счет «архаичности» старых форм и «вульгарности» новых [Там же: 154].

Традицию нормативной стилистики применительно к русскому материалу развивают известные работы Д.Э. Розенталя [1968, переиздавалась неоднократно] и К.С. Горбачевича [1978]. Если пособие Розенталя связано прежде всего с «практической стилистикой» и «синонимией языковых средств» в понимании Пешковского, а «грамматическую стилистику» автор рассматривает как средство установления тонких различий между элементами (об этой работе см. также [Dahl 2004: 131]), то в работе Горбачевича имеются теоретические суждения относительно не только стилистических пар («синонимов»), но и полностью однозначных дублетов («вариантов»). Варьирование автор полагает неотъемлемым фактором языковой системы, связанным прежде всего с эволюцией языка («избыточность формы представляет собой и необходимый этап перестройки элементов языковой системы, который поддерживает преемственность речевых навыков и обеспечит в будущем более рациональный способ выражения» [Горбачевич 1978: 9]; «варианты слова маркированы, в первую очередь, по временной шкале»). Процесс сосуществования и конкуренции вариантов (предшествующий «отмиранию вариативности») оказывается медленным, значительно дольше жизни одного поколения и осуществляется неравномерно [Там же: 204–205].

Для исследования К.С. Горбачевича характерен строго формальный подход. Вариантами одного и того же слова (под «словом» разумется и лексема, и словоформа) признаются единицы со вполне тождественным лексическим и грамматическим значением («полные синонимы», в нашей терминологии), морфологическая структура которых тождественна (различаться могут только формообразующие суффиксы), а на фонематические различия налагается известное ограничение [Горбачевич 1978: 9–17]. Альтернативные словоизменительные образования (*чашка чая/чаю*), таким образом оказываются «формообразовательными вариантами», в то время как словообразовательные (*волчиха/волчица*) – синонимами. Варианты (в отличие от синонимов) суть объекты не стилистики, а ортологии – науки о языковой норме или правильности речи [Там же: 9–20]. В работе анализируются три пары словообразовательных вариантов: формы родительного падежа единственного числа мужского рода на *-а* и на *-у* (так называемый второй родительный падеж), окончания множественного числа в том же склонении *-ы* и *-а*, окончания родительного падежа множественного числа (вроде *граммов/грамм*, *кочевий/кочевьев* и т.п.). Среди общих выводов относительно природы морфологического варьирования – более характерная для морфологии, чем для других уровней языка, семантическая специализация вариантов [Горбачевич 1978: 201]; неоднократно отмечается зависимость распределения грамматических вариантов от семантического класса лексем: «образование даже морфологических вариантов имеет весьма лексикализированный характер» [Там же: 204].

Работы Розенталя и Горбачевича, хотя и продолжают старшую традицию, относятся уже к концу 1960-х–1970-м годам; специальные работы по синонимии грамматических форм впервые появляются, как кажется, в ленинградской школе германистики во второй половине 1950-х годов, и здесь очевидно уже влияние структурализма. Прежде чем перейти к исследованиям В.Н. Ярцевой и Е.И. Шендельс, важно назвать

во многом опередившую время статью акад. В.М. Жирмунского (1963 года) «Об аналитических конструкциях» [Жирмунский 1976]. В этой статье, посвященной, на первый взгляд, другому вопросу, предвосхищена возникшая в рамках теории грамматикализации (см. вторую часть нашей статьи) идея синхронного сосуществования («наслаивания») в языке синонимичных единиц, представляющих различные уровни грамматикализации («ступени грамматизации», в терминологии автора, использовавшего понятийный аппарат работ Мейе и Куриловича).

Аналитическое формообразование, по Жирмунскому, «имеет характер *процессуальный* (разрядка автора. – Д.С.) с переходными случаями большей или меньшей грамматизации, которые следует рассматривать не как метафизически изолированные классификационные клеточки, а... как “узловые точки” в процессе развития, представляющие ряд последовательных ступеней грамматизации, сосуществующих в языке без непроницаемых между ними перегородок» [Жирмунский 1976: 89]. В качестве иллюстрации этой идеи Жирмунский рассматривает синонимичные формы аналитического будущего русского несовершенного вида, образуемого при помощи глаголов *буду, стану и начну*.

Синонимии и полисемии в грамматике (на материале немецкого глагола) специально посвящена книга другого представителя ленинградской германистической школы – Е.И. Шендельс [Шендельс 1970] (ей предшествовала статья [Шендельс 1959])⁶. К сожалению, за пределами собственно германистики эта интересная работа не получила широкой известности, а между тем методология Шендельс представляется близкой к оптимальной для подобных исследований в рамках грамматической системы отдельного языка. Автор выделяет и описывает набор значений, присущий каждой из временных, залоговых и модальных форм немецкого глагола, а затем рассматривает, каким образом схожие значения различных форм могут вызывать эффект их синонимии и функционирования в идентичных контекстах.

Синонимия грамматических форм определяется Шендельс в структуралистских терминах: грамматическая категория понимается как «грамматическое значение, реализованное и формально выраженное в противопоставленных членах» [Шендельс 1970: 5], а «синонимы в морфологии – это противочлены оппозиций с нейтрализованными различительными признаками» [Там же: 40]. Синонимия грамматических значений считается неотрывной от полисемии (в соответствии с принципом Карцевского). Действительно, структура немецких глагольных форм индикатива представлена (в духе Якобсона и Исаченко) при помощи бинарных оппозиций и более сложных, сводимых к бинарным [Шендельс 1970: 6–11, 47], а изучаемая автором синонимия связывает не базовые значения форм («парадигматические»), а их вторичные («второстепенные синтагматические») значения; элементарные составляющие значений она одной из первых в отечественной лингвистике называет «семами» [Там же: 22–32] (этот термин восходит к уже обсуждавшимся работам В. Скалички и Ю. Найды). «Если представить потенциальный объем значений формы в виде совокупности смысловых элементов (сем), то синонимы можно считать пересечением двух и более совокупностей» [Там же: 31]. В пределах каждого синонимического ряда автор выделяет «доминанту, которой считается форма в своем парадигматическом значении» [Там же: 82]: например, в один синонимический ряд с парадигматическим значением претерита вступает перфект в его «дистантном» значении, презенс в «повествовательном» значении и плюсквамперфект в «завершающей» функции.

С одной стороны, нейтрализация синонимичных форм немецкого глагола происходит не в грамматической системе – «парадигматически» они противопоставлены все-

⁶ К работам Шендельс методологически (понятие «структурной близости») примыкает также подробно не рассматриваемая здесь статья ленинградской исследовательницы И.П. Ивановой [Иванова 1961], посвященная анализу синонимии в видо-временной парадигме английского глагола.

гда – а при «функционировании в речи», «в определенных синтагматических условиях» [Там же: 15]. Эти условия разбираются на с. 17 и след. (лексическая обусловленность, интонационная обусловленность, смысловая ассоциация, внелингвистический контекст и проч.). С другой стороны, «имеются оппозиции со слабо выраженными дифференциальными признаками, которые даже в парадигматической схеме могут считаться синонимичными» [Шендельс 1978: 16].

В качестве факторов, определяющих выбор синонимов, исследовательница выделяет «закон изменчивого угла зрения» (прагматическую субъективность), «стиль речи», причем противопоставляются наиболее резко отличающиеся друг от друга регистры – стиль научной прозы и обиходной речи, зависимость от социального положения, диалектной принадлежности, зависимость от лексического фактора, стремление избежать грамматической омонимии и трудноопределимая (и задаваемая в основном конкретными примерами) «зависимость от эстетического фактора», которой автор приписывает (в отличие от многих нормативных стилистик) наиболее скромную роль.

К филологической школе, испытавшей влияние работ Жирмунского и западноевропейского структурализма, принадлежит также ленинградский романист Л.М. Скредина, автор второй известной нам отечественной монографии по грамматической синонимии – учебного пособия к спецкурсу «Грамматическая синонимия» [Скредина 1987]. Ее метод также базируется на анализе семантики грамматических форм по минимальным различительным признакам (или компонентном анализе) и связан с «тензорной» теорией языка (или «психосистематикой»), выдвинутой еще в начале XX в. французским лингвистом Г. Гийомом и не получившей значительного признания за пределами Франции. В работе Скрединой, как и у Шендельс, сохраняется сосюровская дихотомия «язык vs. речь»: помимо анализа «актуализации» языковых единиц (по методике Гийома и его последователей) ею также проводится компонентный анализ значения глагольных форм на «семы», а возникновение синонимии в речи («системно-дискурсивной» синонимии) связывается с нейтрализацией того или иного дифференциального признака (как ставшего «слабым» в той или иной «микросистеме» оппозиций). Примечательно, что Скредина [1987: 61] признает абсолютную синонимию грамматических единиц, более того, утверждает, что феномен абсолютной синонимии присущ только грамматическому, но не лексическому уровню языка (это утверждение перекликается с аналогичным положением Скалички – см. выше, раздел 2). «Синонимичными» при этом именуются также дополнительно распределенные грамматические показатели (такие, как окончания разных склонений и под.; проблема алломорфии не ставится), а абсолютная синонимия морфем при одной и той же лексеме относится к «морфологической вариантности», причем это понятие не противопоставлено синонимии (например, сюда подпадают альтернативные парадигмы глагола *s'asseoir* 'садиться': *je m'assieds/je m'asseye/je m'assis* и т.п.).

Другая «школа» изучения грамматической синонимии во второй половине XX в. связана прежде всего с именем В.Н. Ярцевой, ученицы Жирмунского (чья научная деятельность началась в Ленинграде, а продолжалась в Москве). Ее работы по грамматической синонимии появляются уже во второй половине 1950-х годов [Ярцева 1957], даже несколько ранее, чем первые работы Шендельс в этой области. И здесь проблематика «варьирования» (данная группа авторов предпочитает этот термин) привлекает в основном германистов; материалу германских языков, помимо нескольких статей в сборнике [Ярцева (ред.) 1979], целиком посвящен более поздний московский сборник [Семенюк (ред.) 1996]. Большинство исследований, выполненных в рамках этой ветви отечественной традиции – «case studies» конкретных фрагментов языковой системы, причем, как мы уже отмечали, в поле зрения этого круга авторов попадают не только (и, может быть, даже не столько) синонимия в морфологии, но и полисемия в служебной лексике или эквивалентность синтаксических средств выражения. Для этой традиции также характерно подчеркивание функциональных принципов (ср. прежде всего [Сорокина 2003]; в [Локштанова 1996] наряду с «вариативностью» употребляется термин «изофункциональность»).

В теоретической статье В.Н. Ярцевой [1979], специально посвященной морфологическому варьированию, интересующее нас явление называется «немотивированным формальным» варьированием (полная синонимия показателей), в отличие от полисемии, или «семантического варьирования» («сохранение одной формы при множестве варьирующихся значений»). Первое усматривается только в том случае, когда две различные формы «могут чередоваться в одной и той же позиции» [Ярцева 1979: 10]. Оно «типично для так называемых переходных периодов, когда происходит радикальная перестройка строя данного языка и социально-исторических условий его функционирования» [Там же: 15]; «оно не может быть извечным и узаконенным, так как с течением времени либо возникает семантическая или дистрибутивная дифференциация вариантов, либо один из вариантов отмирает» [Там же: 16]. К числу источников вариантов относится сосуществование исторических и аналогических форм, сведение в одну систему синонимов из разных территориальных диалектов либо этимологических дублетов. Все эти факты так или иначе уже были известны в предшествующей литературе. Собственно В.Н. Ярцевой принадлежит гипотеза, согласно которой такое варьирование возможно, «по-видимому, только для отдельных элементов ряда, но не для всего ряда в целом» [Ярцева 1979: 10, 23–25], то есть не может затрагивать всех элементов парадигмы в данном языке.

Среди работ последователей Ярцевой о морфологической вариативности в германских языках особо отметим посвященную глагольной системе датского языка статью [Локштанова 1996], где проводится постструктуралистское различие между «собственно парадигмой», выстроенной на четких оппозициях, и слабее «грамматизованной» «расширенной парадигмой» (для которой синонимия более характерна) – впрочем, и тут автор усматривает «дифференцированные инвариантные значения» [Там же: 45–47], а также общетеоретическую (с привлечением примеров из английского языка) работу [Сорокина 2003], использующую функциональный и когнитивный подходы. Автор этой последней статьи концентрирует внимание на синонимии синтаксических конструкций, считая, что «на морфологическом уровне критерии... синонимии и методика выявления сходства и различия между синонимами детально описаны» [Там же: 94], таким образом, эта недавняя работа считает проблему морфологической синонимии практически закрытой, и это при том, что определение морфологической синонимии дано предельно краткое и явно не учитывающее всех особенностей данного явления: «морфологические синонимы – это грамматические единицы, имеющие одинаковое (близкое) денотативное и разное коннотативное содержание» [Сорокина 2003].

Итак, работы отечественных лингвистов 1950–1990-х годов, так или иначе посвященные проблематике грамматической синонимии и вариативности, сходятся в том, что сосуществование единиц с тождественными значениями представляет собой неотъемлемое свойство языковой системы, причем, как правило, обусловленное историческим развитием языка (пафос «историзма» в противовес «неисторичности» вообще характерен для критиков структурализма, а особенно в Советском Союзе, где такая позиция отчасти поддерживалась даже официально). Причина возникновения данного феномена – сосуществование в языке моделей, возникших в разное время, либо нейтрализация семантических оппозиций между уже существующими моделями (в этом последнем случае синонимия может затрагивать не только второстепенные «синтагматические», но и базовые «парадигматические», входящие в языковую структуру значения). Особо следует отметить концепцию В.М. Жирмунского относительно различной «степени грамматизации» сосуществующих грамматических синонимов (с этой концепцией можно сблизить «этимологические дублеты» Ярцевой). Относительно диахронической судьбы данных форм высказываются наиболее общие утверждения, согласно которым обычно такое соотношение ведет к «победе» одной из форм – как правило, более новой – но в целом процесс более или менее равноправной конкуренции синонимичных форм может растягиваться на период жизни нескольких поколений, как указывает, в частности, Горбачевич.

Понятия «синоним» и «вариант» некоторые авторы употребляют, – к сожалению, придется несколько смешать язык с метаязыком, – как полные синонимы (или, если угодно, свободные варианты). Некоторые терминологизируют эти различия, считая «синонимы» знаками с тонким семантическим различием, а «варианты» – знаками, полностью совпадающими по означаемому. Причем идея «тонких стилистических различий» – на деле больше, чем просто дань школьной традиции: подчеркивается объективно сложный и неоднородный, не связанный собственно с денотативной семантикой характер синхронного «противопоставления» между грамматическими синонимами (ср. [Dahl 2004]). Важное исчисление подобных факторов (не сводимых к недифференцируемым «стилистическим целям») мы находим у Шендельс (во многом оно предвосхищает многофакторный подход к виду и времени в [Waugh 1991] или [Thelin 1991]); здесь имеется и указание на роль дискурсивных функций в семантике денотативно совпадающих глагольных форм – предпосылки такого подхода были и у современников Шендельс, прежде всего В.В. Виноградова, но к функции глагольной словоформы в тексте как важнейшему параметру описания видо-временных значений аспектология обратится только в 1980–1990-е годы (ср. обзор данного подхода в [Петрухина 2000: 76–79; Плунгян 2004]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1991 – В.М. Алпатов. К вопросу о типологии оформления морфемных стыков // Морфема и проблемы типологии. М., 1991.
- Апресян 1974/1995 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1995.
- Арутюнова, Кубрякова 1961 – И.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов // М.М. Гухман (ред.). Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
- Горбачевич 1978 – К.С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Л., 1978.
- Жирмунский 1976 – В.М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях // В.М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Иванова 1961 – И.П. Иванова. К вопросу о грамматической синонимии (на материале видо-временных форм английского глагола) // Исследования по английской филологии. Сборник II. Л., 1961.
- Карцевский 2004 – С.И. Карцевский. Об асимметричном дуализме языкового знака // С.И. Карцевский. Из лингвистического наследия. II. М., 2004.
- Касевич 1986 – В.Б. Касевич. Морфонология. Л., 1986.
- Кобозева 2000 – И.М. Кобозева. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кубрякова 1991 – Е.С. Кубрякова. Понятие морфемы в современных лингвистических исследованиях за рубежом // Морфема и проблемы типологии. М., 1991.
- Локштанова 1996 – Л.М. Локиштанова. Парадигматические потенции и вариативность элементов глагольных систем (на материале датского языка) // Н.Н. Семенюк (ред.). Вариативность в германских языках (функциональные аспекты). М., 1996.
- Мартинс 1962 – А. Мартинс. Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1962.
- Мельчук 1968 – И.А. Мельчук. Строчение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // ИАН СЛЯ. 1968. № 5.
- Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I. М.; Wien, 1997.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Морфа и морфема // Н.А. Козинцева, А.К. Оглоблин (ред.). Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В.С. Храковского. СПб., 1998.
- Мельчук 2001 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. IV. М.; Wien, 2001.
- Петрухина 2000 – Е.В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Пешковский 1930 – А.М. Пешковский. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // А.М. Пешковский. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2004 – В.А. Плунгян. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // А.П. Володин (ред.). Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского. М., 2004.

- Розенталь 1968 – Д.Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., 1968.
- Семенюк (ред.) 1996 – Н.Н. Семенюк (ред.). Вариативность в германских языках (функциональные аспекты). М., 1996.
- Скаличка 1935/1967а – В. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Скаличка 1935/1967б – В. Скаличка. О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Скрелина 1987 – Л.М. Скрелина. Грамматическая синонимия: учебное пособие к спецкурсу. Л., 1987.
- Сорокина 2003 – Т.С. Сорокина. Функциональные основы теории грамматической синонимии // ВЯ. 2003. № 3.
- Улукханов 1977 – И.С. Улукханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Шапиро 1955 – А.Б. Шапиро. Некоторые вопросы теории синонимов // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. № 8. 1955.
- Шендельс 1959 – Е. И. Шендельс. Понятие грамматической синонимии // ФН. 1959. № 1.
- Шендельс 1970 – Е.И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Якобсон 1932/1985 – Р.О. Якобсон. О структуре русского глагола // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1936/1985 – Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Ярцева 1957 – В.И. Ярцева. О грамматических синонимах // Романо-германская филология. Вып. 1. Л., 1957.
- Ярцева (ред.) 1979 – В.И. Ярцева (ред.). Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Ярцева 1979 – В.И. Ярцева. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка // Ярцева (ред.). Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Aronoff 1976 – M. Aronoff. Word formation in generative grammar. Cambridge (Mass.), 1976.
- Blevins 2000 – J.P. Blevins. Markedness and agreement // Transactions of the philological society. V. 98. № 2. 2000.
- Calvano, Saltarelli 1979 – W.J. Calvano, M.D. Saltarelli. The morphological meaning of phonological rules // Lingua. V. 48. 1979. № 1.
- Croft 2000 – W. Croft. Explaining language change: an evolutionary approach. Harlow, 2000.
- Dahl 2004 – Ö. Dahl. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.
- Haiman 1985 – J. Haiman. Natural syntax: Iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Harris 1942 – Z.S. Harris. Morpheme alternants in linguistic analysis // Language. V. 18. 1942. № 1.
- Hockett 1947 – Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis // Language. V. 23. 1947. № 3.
- de Hoop et al. 2004 – H. de Hoop, M. Haverkort, M. van den Noort. Variation in form versus variation in meaning // Lingua. V. 114. 2004.
- Kiparsky 1983 – P. Kiparsky. Word-formation and the lexicon // F. Ingemann (ed.). Proceedings of the 1982 Mid-America linguistics conference. Lawrence (Kansas), 1983.
- van Marle 1985 – J. van Marle. On the paradigmatic dimension of morphological creativity. Dordrecht, 1985.
- Martinet 1955 – A. Martinet. Economic des changements phonétiques. Berne, 1955.
- Miller 1993 – D.G. Miller. Complex verb formation. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Nida 1949 – E. Nida. Morphology: The descriptive analysis of words. Ann Arbor, 1949.
- Paul 1896 – H. Paul. Über die Aufgaben der Wortbildungslehre // Sitzungberichte der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische Classe. München, 1896.
- Pinker 1999 – S. Pinker. Word and rules: the ingredients of language. London, 1999.
- Rainer 1988 – F. Rainer. Towards a theory of blocking: the case of Italian and German quality nouns // G. Booij, J. van Marle (eds.). Yearbook of morphology. Dordrecht, 1988.
- Thelin 1991 – N. Thelin. On the concept of time: Prolegomena to a theory of aspect and tense in narrative discourse // L. Waugh, S. Rudy (eds.). New vistas in grammar: Invariance and variation. Amsterdam, 1991.
- Waugh, Rudy (eds.) 1991 – L. Waugh, S. Rudy (eds.). New vistas in grammar: Invariance and variation. Amsterdam, 1991.
- Waugh 1991 – L. Waugh. Tense-aspect and hierarchy of meanings: pragmatic, textual, modal, discourse, expressive, referential // L. Waugh, S. Rudy (eds.). New vistas in grammar: Invariance and variation. Amsterdam, 1991.
- Williams 1997 – E. Williams. Blocking and anaphora // Linguistic inquiry. V. 28. 1997. № 4.